

А. В. Бодров

«Из рациональных побуждений я присоединяюсь к казаку». Образ России в представлениях Поля Камбона*

Изучение восприятия России у представителей политической и дипломатической элиты французской Третьей республики имеет немаловажное значение с учетом всех политических, экономических и культурных связей, установившихся между двумя странами в последней трети XIX в. Известно, что путь России и Франции к союзу 1891–1894 гг. был долог и тернист. Своими трудностями было отмечено и развитие последующих союзнических отношений. Как и в случае других подобных национальных сближений, трудности эти были вызваны не только объективными расхождениями государственных интересов и приоритетов, но также и представлениями, предубеждениями и предрассудками конкретных творцов национальной политики о своем партнере.

Автор статьи ставит своей целью определить основные черты образа России, сформировавшиеся у Поля Камбона (1843–1924) — видного французского дипломата, посла в Мадриде (1886–1891), Константинополе (1891–1898) и Лондоне (1898–1920). Выбор обусловлен тем значительным влиянием, которое П. Камбон оказывал на выработку французской внешней политики в 1890–1910-х гг., давшим британскому историку М. Хэйну основание говорить о нем

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РНФ № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

как о «сером кардинале Кэ д'Орсе»¹. В частности, П. Камбон сыграл важную роль в оформлении Тройственной Антанты и наряду с Камиллом Баррером (послом в Италии) и младшим братом Жюлем Камбоном (послом в Берлине) входил в число друзей и ближайших сотрудников «творца» Антанты — французского министра иностранных дел Теофиля Делькассе.

Значение воззрений П. Камбона на Россию и русскую политику не только в этом. В его лице мы имеем дело с представителем целой политической традиции. Благодаря знакомству с журналистом К. Пельтаном братья Камбоны еще в конце 1860-х гг. сблизились со многими видными представителями либеральной и республиканской оппозиции Второй империи: А. Тьером, Ж. Симоном, Ж. Казимиром-Перье, Л. Гамбеттой и Ж. Ферри. Особенно тесно Поль Камбон сдружился с Жюлем Ферри, который после установления Третьей республики способствовал продвижению своего протеже по службе. Старший из Камбонов в полной мере унаследовал «центристские» позиции своего покровителя и наставника, равно как и склонность поддерживать активную колониальную политику, считая при этом ее совместимой с тесными связями с Великобританией. Ориентация на Великобританию имела немало сторонников в рамках всего политического спектра Третьей республики, и ее корни восходили ко временам франко-британской «либеральной» Антанты, сложившейся в 1820–1830-х гг. в противовес консервативному союзу «трех черных орлов» — России, Австрии и Пруссии.

Лучшим источником для реконструкции представлений П. Камбона является его личная переписка. Французский историк и социолог Андре Зигфрид в свое время называл эпистолярное наследие П. Камбона «неисчислимой по своему богатству сокровищницей»², и эта оценка выглядит справедливой. Именно в своих частных письмах Камбон-дипломат позволял себе ту степень свободы оценок, которая была немислима для его официальных донесений. Несмотря на то что трехтомное издание писем П. Камбона увидело свет во Франции еще в 1940-х гг., этот источник не попал в поле зрения отечественных исследователей русско-французских отношений последней трети XIX в., включая таких мэтров, как А. З. Манфред и И. С. Рыбаченок. В рамках отечественной историографии существует лишь небольшая статья П. А. Гостенкова, посвященная внешнеполитическим воззрениям П. Камбона. Однако в ней эти воззрения реконструировались по цитатам из зарубежных работ и в отрыве от общего массива переписки Камбона, что привело к ряду неточностей³. В зарубежной историографии П. Камбону-дипломату посвящено несколько монографий, наиболее значимая из которых принадлежит перу французского исследователя Лорана Вийята⁴. Однако и в ней представления П. Камбона о России изложены довольно сжато. Попытка собрать их воедино в более или менее целостный образ, таким образом, предпринимается впервые.

Данная статья отсылает преимущественно к первому тому «Переписки» П. Камбона, охватывающему период 1870–1890-х гг. Именно в этот период

сформировалось мировоззрение нашего героя, а также его образ России, в немалой степени окрашенный опытом пребывания на посту посла Франции в Константинополе (1891–1898). На указанный период пришлось также оформление русско-французского союза и первые шаги в союзном взаимодействии двух стран. В силу всего вышесказанного именно в 1890-е гг. «русская тема» занимала одно из центральных мест в личной переписке П. Камбона.

У многих французов симпатии к России и взрывной интерес к ее культуре были продиктованы возникшим после 1871 г. франко-германским антагонизмом. Острота германской угрозы побуждала многих «славофилов» во Франции видеть в России желанного союзника⁵. Поражение во франко-германской войне 1870–1871 гг. глубоко отразилось и на мировоззрении братьев Камбонов. Поль Камбон видел в этом поражении, оставившем на его поколении «ожог, который никак не может зарубцеваться», «врожденный порок» Третьей республики. По прошествии четверти века он опасался, что «юные французы сегодня ничего такого не ощущают», и гордился тем, что привил своему сыну представление о чести и жажду национальной славы⁶. При этом он не демонстрировал особой германофобии и, например, не чурался возможности неформально отужинать в Париже с Гербертом Бисмарком — старшим сыном и доверенным сотрудником германского канцлера. Но П. Камбон вполне разделял предубеждения своих соотечественников против «пруссаков», отзываясь, к примеру, о германских дипломатах так: «...эти люди перенимают наши манеры и остаются в глубине души настоящими уланами, готовыми нас истребить»⁷.

Перед лицом частых в 1870-е гг. обострений франко-германских отношений П. Камбон был в равной мере далек как от воинственности, так и от чрезмерного алармизма. Военную тревогу 1875 г. он объяснял желанием О. фон Бисмарка переключить внимание Европы со своих неудач в Бельгии и Италии, помноженным на заинтересованность французских правых в раздувании внешних угроз ради сохранения власти⁸. Комментируя новые тревожные слухи на фоне обострения Восточного кризиса, тогдашний 34-летний префект департамента Ду писал брату Жюлю в апреле 1877 г.: «Я не верю, что нас ждет война <...> Бисмарк заботится лишь о том, чтобы не дать нам заключить с Россией какой-нибудь союз. При малейшем проявлении симпатий к России он на нас набросится, но зачем нам кому-то симпатизировать? Останемся в стороне. И нас никто не станет задирать»⁹.

Дебют П. Камбона на дипломатическом поприще совпал с новым обострением обстановки, вызванным оформлением Тройственного союза и всеми сопутствующими опасениями. В марте 1882 г. он комментировал ситуацию так: «Русские подзуживают немцев и воображают, что мы обнажим шпагу вместе с ними. Эти несчастные находятся ровно в том же положении, что и мы в 1870 году, и они накликают на себя разгром ровно так же, как были сокрушены мы. Чтобы создать нам сложности и помешать занять сторону русских, немцы науськивают на нас турок... <...> Мы, таким образом, оказались бы сильно

заняты защитой наших африканских владений: в этот самый момент Италия и Германия разорвали бы Францию на части»¹⁰.

Таким образом, П. Камбон не сбрасывал со счетов угрозу войны со стороны Германии, но вполне разделял точку зрения Ж. Ферри о том, что осмотрительная политика позволит ее избежать. Очевидно также, что Камбон с самого начала был далек от реваншизма, сторонников «твердого тона» с Берлином и солидарности с Россией на антигерманской основе. Все вышесказанное сделало Камбона во второй половине 1880-х гг. непримиримым противником буланжизма. Стоит отметить, что П. Камбон был хорошо знаком с Жоржем Буланже: их пути пересеклись еще в его бытность префектом департамента Ду, а затем в Тунисе, где Камбон возглавлял французскую гражданскую администрацию, а Буланже — военную. Здесь личная антипатия Камбона к честолюбивому генералу переросла в открытый конфликт из-за полномочий¹¹.

Важно учитывать, что буланжизм пользовался поддержкой правых республиканцев и монархистов, многие из которых являлись давними сторонниками заключения союза с Россией. Эти группы влияния, сформировавшиеся вокруг Ж. Адан, А. Рошфора, П. Деруледи, Э. Флуранса и Л. Мильвуа, сумели установить прямой контакт с российским послом в Париже бароном А. П. Моренгеймом. Во второй половине 1880-х гг. Дерулед, Мильвуа и Флуранс неоднократно бывали в России и заручились поддержкой влиятельного редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова¹². Связанные с этими кругами издания: *La Nouvelle Revue*, *L'Intransigeant*, равно как и орган «Лиги патриотов» *Le Drapeau*, клеймили политику умеренных республиканцев, делавших ставку на колониальную экспансию, а не на союз с Россией и реванш¹³.

Несмотря на весь свой консерватизм в социальных вопросах и критику пороков политической системы Третьей республики, П. Камбон оставался убежден в добродетелях республиканизма. В своих письмах он неоднократно выражал отвращение перед угрозой восстановления во Франции «цезаризма» и признавался в ноябре 1877 г.: «...бонапартисты остаются моим вечным кошмаром»¹⁴. Появление на политической сцене генерала Буланже заставило его вновь вспомнить об обстоятельствах установления Второй империи. В апреле 1888 г. он писал жене: «...чем больше мы с Жюлем обдумываем положение, тем вернее Франция нам кажется загнанной в диктатуру более или менее в духе бонапартизма, которая приведет к триумфу демагогии внутри страны и войне вовне»¹⁵. Эти процессы также влияли на восприятие П. Камбоном русско-французского сближения, представавшего во французском внутривосточном измерении во многом как проект правых.

Что касается внешнеполитического идеала П. Камбона, то наиболее обстоятельно он описал его в марте 1889 г. в личном письме Эжену Споллеру, тогдашнему французскому министру иностранных дел. Полагая Италию «главным кольцом скованной вокруг нас цепи», Камбон высказывался за примирение с соседкой и тройственное согласие Франции, Великобритании и Италии. Он вполне

не справедливо подчеркивал, что «Франция не может жить под двойной угрозой со стороны Вогезов и Альп. Тем более невозможно для нее осуществлять свои колониальные проекты и оберегаться от водворения немцев в Средиземноморье в условиях враждебности или даже нерасположения Англии»¹⁶.

Куда более спорным выглядел тезис дипломата о том, что сближение с Италией дало бы Франции необходимое равенство сил с Германией. Здесь П. Камбон явно выдавал желаемое за действительное в силу отсутствия у него особого энтузиазма по поводу франко-русского сближения: «О России я совсем не хочу говорить. Когда не можешь обладать тем, что любишь, нужно любить то, что имеешь, и сегодня нашим единственным активом является надежда на помощь (России. — А. Б.) и беспокойство, которое эта простая надежда вызывает у г-на Бисмарка. Совместная с Россией политика — политика эмпирическая, общая с Англией и Италией политика является единственно рациональной и плодотворной»¹⁷. Посол в Мадриде явно опасался, что союз с Россией закроет дорогу к согласию с Великобританией в силу всей остроты тогдашних англо-русских противоречий.

И все же Камбон высоко ставил приоритет выхода Франции из дипломатической изоляции, неизменно мысля в категориях альянсов и союзов. Камбон признавал ценность русско-французского союза и приветствовал его оформление, но скорее как основу для восстановления статуса Франции как великой державы и залог более активной и независимой политики. В своем письме министру иностранных дел Александру Рибо в ноябре 1891 г. он писал: «Вам принадлежит честь оформить антанту, которая позволила нам выйти из нашей изоляции. Надо извлечь выгоду из новой ситуации, нужно сказать, что между нынешней политикой и политикой прошлого лежит пропасть и, в особенности, взять подобающий нам тон»¹⁸. Однако очень скоро в восприятии Камбона на первый план стали выходить отрицательные последствия новой дипломатической комбинации. Он, в частности, опасался, что союз с Россией потребует от Франции уступок в «восточном вопросе». Эти опасения могли подпитываться тем, что предшествовавшее союзу сближение во многом стало возможным благодаря отказу Парижа от ряда прежних внешнеполитических установок (в «польском вопросе», например).

Свои тревоги П. Камбон изложил в июле 1891 г. в письме к Морису Бомпару в момент своего назначения послом в Турцию: «...наша традиционная политика в Константинополе базируется на согласии с Англией и противодействии посягательствам России, однако сейчас мы холодны с англичанами и крутим бурный роман с русскими. Дипломатический представитель, который пожертвует подлинными принципами нашей восточной политики и подлинными интересами Франции в Сирии в угоду русскому наваждению, в скором времени покроет себя позором. Тот же, кто попытается сохранить свою независимость от русских, сейчас же будет обвинен недалекими умами в Париже в недостатке патриотизма и продаже родины англичанам»¹⁹.

Не менее примечательным было его саркастичное замечание о том, что «больше нельзя быть французом и не быть сперва добрым русским, и любой министр иностранных дел, который не находится в зависимости от посла России, тотчас станет мишенью для газет и объектом парламентских запросов»²⁰. Камбон очевидным образом ощущал себя лоцманом, прокладывавшим курс поперек бурного потока общественных настроений. Частые отсылки к «всесильному» под пером Камбона русскому послу в Париже А. П. Моренгейму, в реальности большого авторитета в Петербурге не имевшему²¹, требуют своего объяснения. Во-первых, Моренгейм лишь олицетворял собой «диктат» Петербурга для склонного к такой персонификации Камбона. Во-вторых, стоит учитывать связи российского посла с французскими правыми, о которых говорилось выше. Оформление союза с Россией играло на руку тем консервативным и националистическим кругам во Франции, что критиковали парламентский режим Третьей республики и призывали к ревизии конституции, примером чего могла служить программа «Лиги патриотов» тех лет.

Республиканизм Поля Камбона, однако, не отменял его приверженности дипломатии как достоянию узкой когорты профессионалов, огражденному от всякого внешнего влияния как депутатов Национального Собрания, так и общественного мнения. В силу этого он вместе с братом Жюлем критиковал излишне демонстративные проявления русско-французской дружбы. Откликаясь на оказанный парижанами в октябре 1893 г. восторженный прием русским морякам, он досадовал на берегах Босфора: «Издали Париж кажется охваченным огромной по масштабам гулянкой. Я не думаю, что этот избыток энтузиазма и эти сумасбродства произведут положительное впечатление в Петербурге. Там хотели бы немного больше сдержанности. Что до меня, то я хотел бы немного больше достоинства. Мы буквально валяемся в ногах у царя»²². Несколько дней спустя он развивал свою мысль: «Я знаю, что любовь не терпит доводов рассудка, но именно это меня и беспокоит. Политика — я имею в виду подлинную политику, политику, которая дает долгосрочные результаты, — это дело разума, а не безрассудства. Наша внутренняя политика делается на улице, и вот теперь на мостовой и наша внешняя политика»²³.

В схожем ключе Камбон реагировал и на визит президента Феликса Фора в Россию летом 1897 г., главным итогом которого стало слово «союз», впервые публично произнесенное Николаем II. Французское руководство давно добивалось открытой декларации о связывавших две страны союзных узах и вполне оправданно расценивало ее как успех²⁴. Однако Камбон и тут шел вразрез с общими настроениями и не был склонен придавать публичным декларациям большого значения. Напротив, излишний энтузиазм во Франции по этому поводу, полагал он, «укажет всему миру и русским в частности, что мы видим в их дружбе наш единственный якорь спасения», «будто Франция в одиночку ничего собой не представляет». Камбон резюмировал: «...решительно, демократии ничего не понимают во внешней политике»²⁵.

Свои претензии к реализации русско-французского союза Поль Камбон наиболее полно изложил в письме, адресованном через своего сына Альберу Вандалю. Французский дипломат спешил заверить именитого историка в своей приверженности союзу: «Когда имеешь лишь 20 армейских корпусов против 60, нужно их как-то пополнить, и этим пополнением мы располагаем лишь в России». Но «первородный грех союза» заключался в отсутствии подлинного равноправия: французы, по мнению Камбона, оказывали услуги России безо всяких условий, и она это принимала как должное. «Наши министры, <...> не сумев поставить себя рядом или даже перед Россией, оказываются позади нее»²⁶.

Другой проблемой союза, по мнению Камбона, была его непрочность: «Союз рожден из обиды покойного императора (Александра III. — А. Б.) на Германию, и он единственный все решил. Народ последовал за ним в силу антипатии москвиты к германцу, но официальный мир остался немецким», и «робкий и неопытный» Николай II в любой момент мог подпасть под влияние прогерманских сил. Взорвать союз изнутри могли и русско-французские противоречия на Востоке: «...они сталкиваются в особенности вокруг Святых мест, и Святая Русь поднимется в едином порыве по первому слову по этому предмету»²⁷.

Лучшим средством укрепить русско-французский союз, по мысли Камбона, было сделать его взаимовыгодным. Какие же французские интересы не находили должной поддержки Петербурга? В первую очередь, речь шла об экономических и политических интересах Франции в Средиземноморье. Камбон и в Мадриде, и в Константинополе по мере сил боролся с усилением германского влияния в регионе. В столице Османской империи Камбон, по его собственным словам, вел «отчаянное сражение» с немцами за экономическое преобладание, исход которого должен был решить, «являются ли они здесь единственными хозяевами»²⁸. Он пытался заинтересовать французский капитал в новых инвестициях в регионе, но союз с Россией мало чем мог в этом отношении помочь: «...русские позволят немцам доминировать здесь, поскольку экономическое доминирование их мало заботит. Они прекрасно знают, что немцы не могут приобрести Проливы», — сетовал французский дипломат²⁹.

Во-вторых, П. Камбон резко критиковал русскую дипломатию за нежелание подтолкнуть Османскую империю к разрешению своих самых острых национальных вопросов: македонского, армянского, критского, и, тем самым, продлить свои дни. По мысли Камбона, это явственно продемонстрировало новое обострение «восточного вопроса» в конце 1890-х гг. Эгоизм великих держав потворствовал, по его мнению, кровавым межнациональным и религиозным столкновениям в Турции, непосредственным свидетелем которых он стал и жестокостью которых оказался искренне потрясен³⁰. Не менее едкой критике в его личных письмах подвергалась безыдейность и пассивность французской политики в «восточном вопросе». Впрочем, сопоставляя французскую и русскую внешнюю политику в конце 1890-х гг., И. С. Рыбаченок оценивает линию Парижа как гораздо более последовательную и настойчивую³¹.

Надо отметить, что в своих инвективах французский дипломат был не одинок. К примеру, в российском министерстве иностранных дел к 1898 г. также констатировали ограниченный характер сотрудничества с Францией: «...достигая наибольшей силы и крепости в вопросах собственно европейских, дружеские узы, связующие Россию и Францию, по мере удаления от центра нашего материка, постепенно ослабевают, на Ближнем Востоке встречая препятствия в унаследованных от прошлого несогласиях, а на Крайнем — оставляя Францию совершенно равнодушной к нашим интересам...»³² Хватало сдержанной критики союза и во Франции³³.

Суммируя представления Поля Камбона о России, следует согласиться с Л. Вийятом, что этот влиятельнейший французский дипломат рубежа веков остался совершенно чужд интересу к России и всяких прорусских симпатий, охвативших значительную часть французского общества с середины 1870-х гг.³⁴ Он довольно редко упоминал о России в своей частной переписке, и эти упоминания были окрашены преимущественно негативно. Очевидно также, что число «русских» знакомств П. Камбона было невелико и, похоже, ограничивалось преимущественно профессиональным кругом. Ярким следствием этого стало то, что русский национальный характер персонифицировался у Камбона в некоторых лучше всего ему знакомых российских коллегах. Можно также отметить, что оценки России выносились Камбоном через призму внешнеполитических интересов Франции, что было вполне естественно для дипломата.

Стоит при этом учитывать, что вся дипломатическая деятельность Камбона до его назначения в Лондон была связана со средиземноморским направлением. В этом регионе Франция и Россия имели давнюю традицию соперничества. Восприятие Камбоном также окрашивало его представление о «естественном» характере колониальной экспансии европейских империй. В равной мере экспансионизм, по его представлению, был присущ и России. Если перекрыть России путь к Константинополю, полагал Камбон, то она найдет себе дорогу в азиатской части Турции. Он вполне допускал мысль о простирающемся вплоть до Сирии российском господстве в Малой Азии в случае распада Османской империи, что явно не соответствовало французским интересам³⁵.

Эпоха Александра III оставила также у Камбона представление об особой роли российских самодержцев в формировании внешнеполитического курса страны. Это открывало некоторые возможности. Камбон верил, что один «ясный и откровенный разговор» с молодым, «полным благих намерений, робким, скромным, миролюбивым» Николаем II мог помочь Франции уйти от положения «младшего партнера» и «ведомого» в русско-французском союзе³⁶. Обратной стороной медали была опасность того, что российский император, как уже отмечалось выше, мог подпасть под пагубное влияние неких петербургских прогерманских «высших сфер». Режим личной власти, таким образом, оставлял судьбу русско-французского союза на долю случая или монаршей прихоти.

Можно ли согласиться с тезисом одного отечественного историка о русофобии Поля Камбона?³⁷ С одной стороны, стоит учитывать, что Камбон не был чужд клишированных образов и других наций: англичан, немцев и турок. Кроме того, рассудочный подход к внешней политике ослаблял значение всех его национальных симпатий и антипатий. На посту французского посла в Константинополе он успешно ладил со своим русским визави А.И. Нелидовым, с которым у него сложились вполне доверительные и дружеские отношения. Но столь же всецело П. Камбон порицал образ действий сменщика Нелидова — И.А. Зиновьева, известного своей дружбой с М.Н. Катковым. Камбон видел в Зиновьеве не только выразителя курса Азиатского департамента российского МИД на развал Османской империи³⁸, но и «природного русского». Следует учитывать этот личный подтекст ряда наиболее одиозных высказываний в переписке француза, но, несомненно, Камбон по части России и русских разделял ряд предрассудков, некоторые из которых для конца XIX столетия даже выглядели явным анахронизмом.

В числе этих предрассудков был «ориенталистский» взгляд на русских с традиционным отождествлением «Востока» с инертностью, фатализмом, созерцательностью и отсталостью. Характерно следующее высказывание Камбона, сделанное по прошествии четырех лет пребывания в Османской империи: «...от русских зависит примириться с болгарами и восстановить свое влияние у ворот Константинополя. Но поскольку они сами люди Востока, они, вероятно, благополучно упустят эту возможность. У русского мозги столь же отличаются от наших, что и у турка. Эти люди признают только силу обстоятельств»³⁹. Камбон также полагал, что «русский состоит из воображения и эмоций, замешанных на еще более сильном национальном тщеславии, чем у англичан. С ним нужно обращаться так же бережно, как с динамитом в каучуковых перчатках»⁴⁰. В следующий раз, негодуя против козней «этого русского варвара, этого скифа, этого татарина» Зиновьева, он шел еще дальше: «...истинный русский, а этот (Зиновьев. — А. Б.) как раз из таких, еще более далек от нас, чем турок или китаец. Мы судим о России по цивилизованной наружности ее немногочисленной аристократии, но сколь много разочарований готовит нам наше увлечение ею!»⁴¹

В этих высказываниях отражалось далеко не только разочарование П. Камбона бесплодностью многих своих усилий в турецкой столице. Официальный визит Николая II во Францию в 1896 г. заставил его вспомнить в письме к матери, как сорок лет назад она укладывала его спать, грозя казаком за непослушание. Говоря о своей позиции, он констатировал: «Из рациональных побуждений я присоединяюсь к казаку, и полагаю, что к нему нужно присоединиться, поскольку нет иной альтернативы, но сердцем я не с ним. Я слишком большой европеец и латинянин, чтобы с легким сердцем допустить вмешательство в наши дела азиатов»⁴². Иными словами, Камбон отказывал русским и французам в какой-либо культурной общности, что хорошо согласовывалось с его верой в значение такой общности Франции с ее «латинскими сестрами»

Испанией и Италией. Большое значение для убежденного католика Камбона имело также наличие или отсутствие религиозной общности.

Таким образом, Россия не могла снискать симпатии П. Камбона ни прежней историей взаимоотношений с Францией, ни своим укладом, ни ролью славянского «антипода» Германии. Однако следует избегать бинарных оценок. Далекий от всякого русофильства, Камбон все же не был явным русофобом и оставался прагматиком, способным на лояльное сотрудничество с российскими дипломатами, коль скоро оно отвечало и французским интересам. Редкая откровенность личной переписки Камбона, как представляется, проливает также свет на настроения определенной части политического истеблишмента Третьей республики. Можно сказать, что формирование в дальнейшем Тройственной Антанты не только лучше всего примиряло сердце и разум П. Камбона, но и сторонников разной внешнеполитической ориентации Франции.

¹ *Hayne M. B.* The French Foreign Office and the origins of the First World War, 1898–1914. Oxford, 1993. P. 78.

² *Siegfried A.* La leçon politique de Paul Cambon // *Revue des Deux Mondes.* 1954. 15 Juin. P. 605.

³ *Гостенков П. А.* Французская внешнеполитическая ориентация в конце XIX в. Поль Камбон // *Известия СПбГАУ.* 2015. № 38. С. 354–357.

⁴ *Eubank K.* Paul Cambon. Master diplomatist. Norman, 1960; *Villate L.* La République des diplomats: Paul et Jules Cambon, 1843–1935. Paris, 2002.

⁵ *Deiningner H.* Frankreich – Russland – Deutschland, 1871–1891: Die Interdependenz von Außenpolitik, Wirtschaftsinteresse und Kulturbeziehungen im Vorfeld der russ. – fr. Bündnisses. München, 1983. S. 10; *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 35.

⁶ Письмо жене, 27 сентября 1897 г.: *Cambon P.* Correspondance, 1870–1924. T. I. Paris, 1940. P. 430.

⁷ Письмо жене, 24 марта 1883 г.: *Ibid.* P. 191.

⁸ Письмо Ж. Камбону, 24 мая 1875 г.: *Ibid.* P. 64–65.

⁹ Письмо Ж. Камбону, 22 апреля 1877 г.: *Ibid.* P. 79–80.

¹⁰ Письмо жене, 1 марта 1882 г.: *Ibid.* P. 162.

¹¹ См.: *Hallmann H.* Paul Cambon und General Boulanger // *Historische Zeitschrift.* 1943. Bd. 168. Hf. 2. P. 280–301; *Ling D. L.* Paul Cambon, Coordinator of Tunisia // *The Historian.* 1957. Vol. 19. No. 4. P. 436–455.

¹² *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза... С. 228–229, 278–279.

¹³ См. подробнее: *Hillis F.* The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France // *The Journal of Modern History.* 2017. Vol. 89. P. 60–66.

¹⁴ Письмо Ж. Казимиру-Перье, 15 ноября 1877 г.: *Cambon P.* Correspondance... T. I. P. 87.

¹⁵ Письмо жене, 1 апреля 1888 г.: *Ibid.* P. 319.

¹⁶ Письмо Споллеру, 11 марта 1889 г.: *Ibid.* P. 331–332.

¹⁷ Письмо Споллеру, 11 марта 1889 г.: *Ibid.* P. 333.

¹⁸ Письмо Рибо, 16 ноября 1891 г.: *Ibid.* P. 351.

¹⁹ Письмо Бомпару, 1 июля 1891 г.: *Ibid.* P. 344.

²⁰ Письмо Бомпару, 1 июля 1891 г.: *Ibid.* P. 344.

- ²¹ Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 28.
- ²² Письмо Девелю, 25 октября 1893 г.: *Cambon P. Correspondance...* Т. I. P. 362.
- ²³ Письмо Девелю, 31 октября 1893 г.: *Ibid.* P. 362.
- ²⁴ Рыбаченок И. С. Союз с Францией... С. 29–30.
- ²⁵ Письмо жене, 2 сентября 1897 г.: *Cambon P. Correspondance...* Т. I. P. 429.
- ²⁶ Письмо сыну, 16 декабря 1896 г.: *Ibid.* P. 421–423.
- ²⁷ Письмо сыну, 16 декабря 1896 г.: *Ibid.* P. 423.
- ²⁸ Письмо д'Этурнель де Констану, 27 февраля 1893 г.: *Ibid.* P. 357.
- ²⁹ Письмо жене, 16 января 1898 г.: *Ibid.* P. 432–433.
- ³⁰ См.: *Ibid.* P. 394–398.
- ³¹ Рыбаченок И. С. Союз с Францией... С. 311.
- ³² Цит. по: Там же. С. 215.
- ³³ Романова Е. В. Франко-русский союз в системе международных отношений конца XIX — начала XX в. // 130 лет франко-русскому альянсу: проблемы и вызовы двустороннего сотрудничества / Под ред. Ю. М. Галкиной (отв. ред.), А. А. Вершинина, К. А. Беспаловой. СПб., 2022. С. 25–26.
- ³⁴ Villate L. La République des diplomates... P. 137.
- ³⁵ *Cambon P. Correspondance...* Т. I. P. 181, 414–417.
- ³⁶ Письмо матери, 12 октября 1896 г.: *Ibid.* P. 419.
- ³⁷ Гостенков П. А. Французская внешнеполитическая ориентация... С. 356–357.
- ³⁸ Письмо Делькассе, 13 октября 1898 г.: *Cambon P. Correspondance...* Т. I. P. 442.
- ³⁹ Письмо матери, 19 августа 1895 г.: *Ibid.* P. 392–393.
- ⁴⁰ Письмо сыну, 16 декабря 1896 г.: *Ibid.* P. 421–423.
- ⁴¹ Письмо матери, 3 ноября 1898 г.: *Ibid.* P. 446.
- ⁴² Письмо матери, 8 октября 1896 г.: *Ibid.* P. 418.

References

- 130 let franko-russkomu al'yansu: problemy i vyzovy dvustoronnego sotrudnichestva. [130 years to the Franco-Russian alliance: problems and challenges of bilateral cooperation. In Russ.] / Eds. Yu. M. Galkina (editor-in-chief), A. A. Vershinin, K. A. Bepalova. St. Petersburg, 2022.
- CAMBON P. *Correspondance, 1870–1924*. T. I–III. T.I. Paris, 1940.
- DEININGER H. *Frankreich – Russland – Deutschland, 1871–1891: Die Interdependenz von Außenpolitik, Wirtschaftsinteresse und Kulturbeziehungen im Vorfeld der russ. – fr. Bündnisses*. München, 1983.
- EUBANK K. *Paul Cambon: Master diplomatist*. Norman, 1960.
- GOSTENKOV P. A. *Francuzskaya vneshnepoliticheskaya orientaciya v konce XIX v. Pol' Kambon*. [Positioning of the French foreign policy in the late 19th century. Paul Cambon. In Russ.] // *Izvestiya SPbGAU*. 2015. No. 38. P. 354–357.
- HALLMANN H. *Paul Cambon und General Boulanger* // *Historische Zeitschrift*. 1943. Bd. 168. Hf. 2. S. 280–301.
- HAYNE M. B. *The French Foreign Office and the origins of the First World War 1898–1914*. Oxford, 2001.
- HILLIS F. *The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France* // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. P. 39–78.
- LING D. L. *Paul Cambon, Coordinator of Tunisia* // *The Historian*. 1957. Vol. 19. No. 4. P. 436–455.
- MANFRED A. Z. *Obrazovanie russko-francuzskogo soyuza*. [Formation of the Franco-Russian alliance. In Russ.]. Moscow, 1975.
- RYBACHENOK I. S. *Soyuz s Franciej vo vneshnej politike Rossii v konce XIX v.* [Alliance with France in Russian foreign policy in the late 19th century. In Russ.]. Moscow, 1993.
- SIEGFRIED A. *La leçon politique de Paul Cambon* // *Revue des Deux Mondes*. 1954. 15 Juin. P. 590–607.
- VILLATE L. *La République des diplomats: Paul et Jules Cambon, 1843–1935*. Paris, 2002.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Бодров. «Из рациональных побуждений я присоединяюсь к казаку». Образ России в представлениях Поля Камбона // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 91–102

Аннотация: Автор статьи впервые предпринимает попытку собрать целостный образ России, сформировавшийся у Поля Камбона — одного из влиятельнейших дипломатов Третьей республики рубежа XIX–XX вв. Реконструкция представлений Камбона о России и русской политике особенно значима с учетом его роли в оформлении в 1904–1907 гг. Тройственной Антанты. Основой для реконструкции этих представлений выступает опубликованная личная переписка П. Камбона, предельная откровенность которой делает ее особенно ценным историческим источником.

Дабы объяснить отношение П. Камбона к России, автор описывает мировоззрение, а также внешнеполитические ориентиры французского дипломата. Принимается во внимание французское внутриполитическое измерение проблемы сближения с Россией, в пользу которого высказывались преимущественно правые. Все это объясняет критику П. Камбоном реализации русско-французского союза. В его представлении Франция играла роль младшего партнера в союзе, непрочном в силу самодержавного строя в России, наличия в ней прогерманских сил и расхождения русско-французских интересов в «восточном вопросе». Автор приходит к выводу, что П. Камбон был далек от русофильства, но оставался прагматиком, способным на лояльное сотрудничество с российскими дипломатами. Тем не менее П. Камбон разделял целый ряд предрассудков в отношении союзницы Франции. Он сохранял «ориенталистский» взгляд на Россию и был склонен преувеличивать культурные различия между русскими и французами. Как представляется, в своих воззрениях на Россию П. Камбон был не одинок и выражал настроения определенной части политического истеблишмента Третьей республики.

Ключевые слова: Третья республика, русско-французский союз, дипломатия, образ России, русофильство, русофобия, Поль Камбон.

FOR CITATION

A. V. Bodrov. “From rational motives, I join the Cossack”. The image of Russia in perception of Paul Cambon // Peterburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 91–102

Abstract: The author of the article for the first time makes an attempt to collect a holistic image of Russia in perception of Paul Cambon, one of the most influential diplomats of the Third Republic at the turn of the 19th and 20th centuries. The reconstruction of Cambon’s ideas about Russia and Russian politics is especially significant given his role in the formation in 1904–1907 of the Triple Entente. The author reconstructs these ideas on basis of the published personal correspondence of P. Cambon, the utmost frankness of which makes it a particularly valuable historical source.

In order to explain P. Cambon’s attitude towards Russia, the author describes the worldview, as well as the foreign policy preferences of the French diplomat. The French internal political dimension of the problem of rapprochement with Russia is also taken into account, in favor of which the “rightists” spoke out mainly. All this explains P. Cambon’s criticism of the implementation of the Franco-Russian alliance. In his view, France played the role of a “junior partner” in an alliance that was fragile due to the autocratic system in Russia, the presence of pro-German forces in it, and the divergence of Russian-French interests in the “Eastern question”.

The author comes to the conclusion that P. Cambon was far from Russophilia, but remained a pragmatist capable of loyal cooperation with Russian diplomats. Nevertheless, P. Cambon shared a number of prejudices against France’s ally. He maintained an “orientalist” view of Russia and was inclined to exaggerate the cultural differences between Russians and French. It seems that P. Cambon was not alone in his views on Russia and expressed the mood of a certain part of the political establishment of the Third Republic.

Key words: The French Third Republic, The Franco-Russian alliance, diplomacy, image of Russia, Russophilia, Russophobia, Paul Cambon.

Автор: **Бодров, Андрей Владимирович** — к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

Author: **Bodrov, Andrei Vladimirovich** — Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Saint Petersburg State University.

E-mail: bodrovandrew@yandex.ru; a.bodrov@spbu.ru